

Carinetta

Созвездие Сердец

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Carinetta

Созвездие Сердец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63068351

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-99858-2

Аннотация

Розовые очки? Это ещё зачем? А это на чёрный день!.. Что это за человек, что не стоит удара в рыло?!

Слепые помогают зрячим. Инвалиды уступают друг другу места. И что же мы делаем со своими жизнями? Живём их? Забываем?

И моя кошка с удовольствием отпляшет на ваших похоронах! Людей будет – что мух, сидящих на дерьме. Стулья будут по три яруса, и в покер станут играть друг у друга на плечах.

Смелее! Пошлите весь мир к чертям! Люди достойны того, чтобы вы были с ними искренни!

Созвездие слёз. Из самого сердца.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Оре	5
Предисловие	5
Первое видение	7
Время спустя	11
Ещё пару дней спустя	14
Оре	18
Гроттоскам	23
Утрата	27
Меч	32
Землистое царское ложе	34
Находка	39
Расправа	41
Клад	48
Свет	51
Спустя мгновенье или час	52
Звезда под камнем	53
Счастье	55
Сколько дел впереди	58
Парадные врата Кирпия	60
Кирпий	61
Балаган моральных уродов	63
Олуи	67
Паб	68

Зорэй	76
Пустыня	77
Лес	81
Кентавры бетоннага леса	82
Лес за лесом	85
Сон во сне	86
Явь во сне	89
Вдовий рокот	92
Орган	96
Оре	102
Привал отчаяния	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Carinetta

Созвездие Сердец

Оре

Предисловие

Клянусь! Я видела всё это собственными глазами! Во сне...

Синяя простынь – это озеро сна. Я ещё вижу комнату, но с каждым шагом под тину-одеяло всё глубже проваливаюсь в сновидение. Почему-то мои веки тоже стали синими и жидкими, как огонь в конфорке. Я закрываю ими глаза – и меня накрывает синей волной с головой! На дне меня ждёт...

Первое видение

Паршивая лачуга старого кузнеца. Бедная кузница. В углу жиденький стог сена, и на нём – плешивая шкура, чтобы было на чём спать. Дом и всё хозяйство уже давно отобрали. Кузнец запер двери и ставни и ждал своего часа. Сбежать он не успел – в кузнице спал мальчуган, за которым кузнец и вернулся, почуяв зловонный запах тюрьмы и гильотины. Но не успел вновь покинуть лачугу вместе с сыном. А теперь он заперт – и за ним пришли. Всё, что осталось с ним взаперти, – крупные долги и маленький сын от погибшей ещё при родах жены.

Королевская стража грозно била в дверь:

– Вылезай, паразит!

Ха. Стук в дверь. Перед тем как убить хозяина! Разве это дань вежливости? Это была часть пытки. Сейчас здоровяки жадно объедались чужим страхом. Ведь больше с кузнеца взять было нечего. Кроме сына. Это всё, чем он теперь мог отплатить казне: сыном и страхом.

Стены лачуги затряслись от увесистого боя, и валящая с потолка пыль окрасила в серый пробившиеся сквозь ставни лучи. Бежать уже некуда – только на тот свет. И это едва ли не лучше, чем в крепкие объятья правосудия!

Бой усилился, и сквозь треск ломающейся двери, точно струя из раны, пробился ещё один луч. У отчаявшегося отца

в ответ хлынули слёзы. Он прижимал к себе сына, завернутого в грязный плед. Сын, как нарочно, спал глубоким сном, будто уже был мёртв.

Кузнец крепко поцеловал сына, не глядя на пробоину в двери и уже ворвавшиеся сквозь неё мясистые руки и брань. Вдруг кузнеца осеняет: он решает бросить ребёнка в плавильный горн с ещё горячей рудой. Мальчуган часто помогал ему разжигать и раздувать печь. Вот и этим утром маленький сын по наказанию уходившего на пристань отца набросал дров и здорово растопил печь. Да вот только заждался отца и уснул.

Кузнец с яростью бросается с сыном к печи – только не отдавать его на растерзание королю! Горько прижав к себе на прощание чумазого мальчишку, кузнец бросает его в горящую руду и вслед за сыном льёт горячие слёзы в кипящий горн.

Болваны врываются в лачугу. Сносят куцые обломки мебели на пути, хватают и больно бьют пожилого мужчину. Двое верзил ищут ребёнка.

– Где сопляк?! – Главный головорез поднимает окровавленного кузнеца за жилет и бьёт того в рожу.

– Он умер, говорю вам! Разве вы не видите слёз моих? Под кровью слёзы – говорю вам! Я оставил его одного, а когда вернулся, было слишком поздно! Мальчик упал в горн!

– Врешь, гад! – и дал кузнецу хорошенько под дых. – А заперся для того, чтобы поплакать?! Говори, где сопляк, не

то не поздоровится ему, когда разыщем!

– Говорю вам! – кашляя и плюясь кровью, кряхтел кузнец, не поднимая головы. – Я хотел успеть похоронить сынишку! Поглядите же сами в горн! Он там, там! – Скованный по рукам и ногам кузнец метнул подбородок в сторону печи. – Только не глумитесь над его безгрешным телом, умоляю! Позвольте похоронить его, как велит наша корона!

Внезапно наступила тишина. Главный головорез кивком отправил младшего подаваку заглянуть в горн. Тот с ленивым видом нехотя поплёлся к горну, но на самом деле жутко трусил перед видом обугленной плоти. Он ещё раз оглядел нагло щерящихся товарищей и потянулся носом к жерлу.

В нём всего-навсего мягко и спокойно светились куски плавающей руды. Младший помощник расслабился. Облегчённый вид этого трусливого подаваки был дурным признаком для старшего стражника.

– Так я и знал, гад, нет там никого! – и принялся со всей дури пинать в живот кузнеца.

Тут печь начала дымиться, будто её раздували невидимые мехи. Печь принялась трястись, потом зашаталась, всё сильнее и сильнее, пока не зашагала прочь со своего места. В конце концов гремящая и воющая печь отвлекла головорезов от битья кузнеца и здорово напугала всех, включая его самого.

Горн ходил ходуном по всей лачуге и рычал. Здоровяки быстро расступились, когда горн вдруг потерял равновесие и повалился набок. Головорезы забились в углы со страху,

и из поваленного жерла с рёвом выпрыгнуло светящееся существо, похожее на горящий камень. Существо зарычало на болванов, выломало ставни и выпрыгнуло в окно прочь.

Время спустя

– Ну и куда мы тащимся?

– За талисманом.

– Я уже с десяток тащу на своей спине, садовая твоя башка!

Озорной Юм и угрюмый Дюм шагали по каменистому лесу с тяжёлыми рюкзаками.

– Это до твоего первого привала. И обеда.

– Э! Я просто должен раз в час что-то есть, иначе меня лихорадит, ясно? Так ты расскажешь мне план?

– Я уже говорил, что его нет!

– То есть мы просто идём? Куда глаза глядят?

– Да.

– Так зачем мы тащимся?

– За талисманом!

– Чёрт бы тебя побрал! Стой. Дай-ка передохнуть. – Юм скинул рюкзак на землю. – Что-то плечо всё ещё ноет после лука.

– Ты же не умеешь стрелять!

– А я говорю: стреляли мы по ночам, пока ты спал! И я даже попал!

– Себе в плечо?

– Нет, в самое яблочко! На макушке твоей Ирэи. Что ты на это скажешь, а?

– Вы и её в свою заварушку втянули?

– Да, и представь – она мне доверяла! Кстати, ни единым словом о тебе не обмолвилась!

– Мне нет дела.

– А твои пылающие щёки говорят, что есть! Так что там тебе тётушка Келла наплела? Здесь-то уже безопасно для тайн?

– И у сосен есть уши!

– Знаешь что, уши всюду! Много, тысячи ушей! Да только мои уже горят от нетерпения! Выкладывай!

Дюм достал табакерку, присел на булыжник и начал:

– Плохи дела наши. Всю долину разорят! Ни одной деревушки не оставят! Тётушка говорит, Гида готовит свою армию к войне. И нас, как ближайших к Гроттоскаму, разграбят первыми! Говорит, талисман нужен! Он нас и защитит, если нападут. И скроет так, что не найдут. И хлебом обеспечит, если голодом заморят. Но вот только его самого, этот талисман треклятый, нужно будет отобрать! Если защищён – завоевать. Если спрятан – найти!

– А если голоден – накормить?

– Тебе видней!

– Эка сказочка! Я так всякому могу голову запудрить и послать к пиратам за русалками!

– Тётушка также сказала, что мы с тобой можем его узнать!

– Вот уж почесала так почесала! Не смейся: ты да я? Ну,

ты ещё более-менее с приветом, а я-то даже из лука стрелять не умею!

– Ага! Значит, не стрелял ты в Ирэю!

– Нет! И ещё она спрашивала о тебе! Почему это ты не шатаешься вместе с нами по ночам! Один раз всего пришла, о тебе спросила и как испарилась с тех пор! И что это она в тебе разглядела, в чудаке-то?!

– То же, что и Келла! В её глазах мы с тобой друг друга стоим. Думает, как пить дать: подерёмся, кубарем покатимся да и угодим мордами в несчастный талисман!

– А он тут как тут уже тёпленький, разгорячённый нашей битвой! Попался, дурачок! Ха-ха! Так всё и будет, Дюмито! Ура! Чего расселся? Побежали! Трепещи, талисманишка!

Юм подпрыгнул, забросил себе на спину рюкзак, руки в боки, огляделся: «Туда!» – и уверенно зашагал.

Дюм только было согрел камень под собой. Он обречённо подкинул свою сумку и двинулся за неугомонным братом. И ещё долго выслушивал его громкие угрозы талисману.

Ещё пару дней спустя

Как-то раз двое путников устроили привал в утыканной камнями чаще.

– Ну и что мы будем есть? – негодовал Юм, пнув пустой рюкзак.

– Сперва передохнём. После придумаем, где бы раздобыть еды.

– И как это думать – на голодный желудок?! Он урчит уже громче меня!

– Так вот, может, тебе заткнуться да послушать свой живот?! Готов поспорить – он и то больше дела скажет, чем ты!

– Ты покойник, братец!

Юм подскочил, чтобы наброситься на Дюма, да угодил пяткой в обрыв и свалился вниз.

Дюм схватил сумки, поспешил за братом. Холм был невысокий и оказался потолком входа в пещеру. К ней-то и приземлился Юм и здорово бы ушибся, да по пути шмякнулся на какой-то большой и тёплый камень, которого теперь, когда Юм поднял голову, у входа в пещеру уже не было.

– Цел?

– Не дождёшься! Жить буду.

– Дай-ка погляжу.

– Ерунда! Царапина.

– А мог бы хребет поломать! Легко отделался, везунчик!

– Это всё камень...

– Какой ещё камень?

– Большой, тёплый и мягкий. Я на него упал!

– Кажись, поспешил я обрадоваться... Ты умом не ушибся?

– Да говорю тебе! Он стоял вон там, у входа!

Братья дружно посмотрели на пустое место.

– Юм, ты только не нервничай.

– Думаешь, я дурачок?

– Ты всегда им был, но вот отныне – только не нервничай.

– Да, кажется, я вспомнил, что там, наверху, мы не закончили! Ну, всё, защищайся!

Юм, пошатываясь, вскочил. Дюм недоверчиво попятился.

– Так, по-твоему, я камешек?!

Двое братьев услышали рычащий голос у входа в пещеру и резко повернули головы.

– Это он! – с блаженной улыбкой произнёс Юм.

У входа и впрямь сидело здоровенное чёрное чудище, похожее на фигуру из каменных мускулов. Чудище смотрело на них неподвижно и вдруг встало и выпрямилось.

Это была двухметровая каменная глыба. Точно чёрный, выжженный пожаром кусок земли. Только с руками и ногами. И сердитым светящимся жёлтым взглядом. Очень сердитым.

– Стоило мне выйти поутру, чтоб полюбоваться на рассвет, как вместо рассвета мне с неба на голову валится ка-

кой-то болван! Ещё и камнем обзывает!

Братья застыли с раскрытыми ртами. Даже Юм не нашёл, что ответить. Он был по-глупому счастлив и обезоружен одновременно.

– Видать, прав твой дружок! Не просто так тебя с неба вытурили – умом ты и до удара о мою несчастную голову не выделялся!

Дюм разглядел в глубине угольного каменного лба два яростно горящих янтарно-огненных глаза.

– Чего застыли? Да это вы окаменели! Ха! А ну проваливайтесь! А не то увидите, как быстро камни умеют бегать и лупить!

– Простите нас, сэр, – произнёс виновато очарованный Дюм, ткнул в плечо точно влюблённого Юма, подхватил обе сумки – и оба поспешили прочь.

– И не попадайтесь мне! – прорычал здоровяк им вслед. – И передайте Гииде, что впредь я перебыю и отправлю в ад всех её гонцов!

Братья долго бежали молча. Так же молча присели отдышаться. Юм, всё ещё очарованный, спросил:

– Ты видел?

– Змеиные янтарные глаза?

– Нет! Его сердце. Сперва он был весь – с ног до головы – чёрный. Но чем сильнее он злился, тем больше светилась сквозь каменные трещины его грудь, будто разгоралась где-то внутри.

Оре

Каменные почвы здешних лесов издревле были изъедены гигантскими червями хитириями. Их прозвали так из-за жуткого писка, издаваемого походя на «Хи-ти-ри-и-и-и!». Эти чудовища-людоеды уничтожили не одну деревню. Спустя много страшных лет люди научились убивать хитирий ядовитыми копьями, когда стало известно, что черви не переносят ягоды тёрна. Зато хитирийское мясо высоко ценили иноземцы, и, продавая его за баснословные деньги иностранцам, деревни выжили и расцвели.

Совсем скоро насмерть забили последнюю хитирию, и больше никто из людей ни одного червя-убийцу ни разу не встретил.

Но зловещие пещеры с бесчисленными следами мелких острых зубов остались дурным напоминанием об опасности и обоюдной жестокости.

Этими пещерами были щедро изрезаны здешние земли. В них по-прежнему никто лишнего раз не совался. Всякому ли понравится шататься в таком месте! Хитирийские пещеры стали заселять лишь изгнанники, бандиты и чудища. Со временем они построили целые подземные города, а позже соединили их в Империю и назвали Гроттоскам. Так что под расцветающим королевством Нильбертилль жил и разрастался гнойник – ад при жизни, куда можно было попасть ещё

до смерти. Да и из этого ада можно было угодить прямоком лишь в ад настоящий: уж если ты попался гроттоскамцам, живым тебя не оставят точно. А перед собственной смертью тебя заставят вытворять такое, что сам дьявол, встречая убитых у врат в преисподнюю, сгорает со стыда.

Но Оре жил в обычной каменной пещере посреди леса, когда-то тоже густо заселённого червями-людоедами. Пещера была высокой, так что Оре мог с утра потянуться во всю силу. Со своим прудиком внутри и подземной речкой, так что он мог принимать бодрящие ванны хоть весь день напролёт во время зноя и засухи. Люди не посягали на его убежище из-за страха перед пещерами Гроттоскама и свирепыми зверями здешних лесов. Но никакой связи с хитирийскими пещера Оре не имела: это был обычный каменный грот, изъеденный разве что червями времени. Да и звери Оре не трогали: он был для них несъедобен да к тому же слишком могуч и силен. Одни его боялись, другие были единственными верными друзьями одинокого здоровяка Оре. Он был отшельником и не желал подчиняться ни королеве Нильбертилле Дергуне, ни царице Гроттоскама Гииде. Первая желала видеть в нём любовника и не раз отправляла Оре открытки с приглашением в королевскую постель и даже во дворец с собственной опочивальней. Однажды златовласая и зеленоглазая Дергуна не только пожелала, но и пожалела Оре: она подъехала к пещере в королевской карете и предложила Оре службу и пропитание. Но Оре, как бы он ни страдал от оди-

ночества, от собственной нелюдимости, от вида и форм своего тела, подчиняться Дергуне не пожелал. Не желал ни минуты подчиниться в первую очередь людским правилам хорошего тона и вежливости. Ему понравилась Дергуна – с золотыми кудрями, маленькими пронизательными глазами и в коралловом платье – великодушная королева, которая даже не упрекнула ни разу Оре за отказы. Он был бы рад увидеть её ещё и ещё и хоть каждый час не отводить от неё своих горящих глаз. Когда Дергуна заговорила с ним ласково, Оре взял да и заплакал, не слышавший никогда доброе человеческое слово – без ругательств, заискивания или насмешек. Никто не говорил с ним как с равным: его или боялись, или пытались подчинить. От неожиданных сильных чувств Оре неловко замахнулся и случайно врезал королевскому пажу. Хотя никто на него тогда не рассердился, и даже подбитый паж, Оре ясно и больно увидел пропасть между ним – неуклюжим носорогом – и благочестивой прекрасной королевой. Он был готов ради неё научиться держать вилку как шпагу и шпагу – как вилку. Для неё выучить танец. Ей сказать ласковое слово. Но Оре отказывался делать всё это и для сотни придворных, чуждых ему людей – не по желанию, а по правилу хорошего тона. И Оре остался в своей пещере. Один.

Но царицу Гроттоскама Гииду неподчинения Оре приводили в ярость.

Он жил в пещере, по её же мнению, все пещеры здешних лесов принадлежали ей и подчинялись только ей. Оре не платил дань ни деньгами, ни уж тем более почестями. Грубо отказывался от работы и прислуживания, отмахивался от угроз быть заточённым в местном балагане.

Оре ещё не знал, что его дерзость дорого ему обойдётся. И вскоре после встречи двух безобидных путников за ним пришли настоящие люди Гииды. Отравить сонной травой и утащить спящего Оре впятером было не так уж и трудно опыт-

ным бандитам. Оре был гораздо уязвимее, чем он о себе думал.

Гроттоскам

Огромная городская площадь в глубинах земли. Тьма, кишашее море галдящих уродцев и ни капли солнечного света. Оре очнулся на возвышенности посреди площади – круглой каменной плите для казни. Впереди он увидел каменный мостик, в конце моста – ступеньки вверх, и над ними был грубо отлит чугунный трон. На нём сидела Гиуда.

Замутнённым взглядом Оре различил под собой толпу безобразных уродов, улюлюкавших ему и жаждавших чего-то грандиозного. Они вытаскивали из ноздрей свои длинные зелёные сопля, наматывали их на пальцы и вертели ими в воздухе. По местным традициям это был посыл смертнику, означавший: «Жизнь твоя держится теперь на соплях! Ставлю на то, что она оборвётся быстрее, чем сопля на моём пальце!»

Оре понял, что стоит, растянутый звездой, а руки и ноги его были крепко закованы в толстые цепи. Он поднял глаза на Гииду.

Одежды на ней не было. Вместо этого Гиуда с ног до головы была вымазана испражнениями казнённых здесь ранее: выше пояса обмазана тем, чем жертвы обгадились от страха и пыток, ниже – тем, что вышло из тел уже после смерти. Наряд свой она обновляла с каждой публичной казнью.

– Самый настоящий вечерний туалет, – цепляясь за созна-

ние, шепнул себе Оре.

Шея, руки и ноги Гииды были украшены ожерельем и браслетами из дохлых змей.

– Дергуна уже лишила тебя невинности? Или мне лишить её этого удовольствия, – Гиида потянулась вперёд, – лишив тебя твоего сладкого СТРУЧКА-А-А-А-А?! – Гиида завизжала, вытащив язык и выкатив свои жуткие чёрные глазища, так что уроды бешено заорали и заликовали. Жирный хряк в рогатом шлеме с восторгом и хрюканьем забил копытами в барабан.

Бешено срывавшиеся с пальцев сопли то и дело прилетали Оре в физиономию. От злости и ужаса он стал раскаляться. Его грудь осветила гигантский ржавый топор, воткнутый в камень перед ним. Топор палача.

– Убей меня сразу, – пробормотал Оре. Уроды неодобрительно заулюлюкали.

– Этого просит всякий трус, страшющийся моих пыток! Бедный мой Оре! – Гиида раскрыла свою огромную челюсть, поднесла к ней запястье и гнилыми зубами откусила голову одной из дохлых змей на своей руке.

– Ну, право! Что ещё я могу с тебя взять, кроме твоей нищенской плоти?! – визжала истерическим голосом царица.

Уроды радостно загоготали, затанцевали в ожидании расправы и стали презрительно плевать Оре в пах. Хряк восторженно и громко барабанил.

– Ну, всё, довольно! Угомонитесь! – Гиида в моментально

наступившей тишине с чавканьем дожевала змеиную голову, проглотила её вместе с зубами и черепом и встала со своего трона. – Я отрублю тебе твою руку! И дам убежать из Гроттоскама ко всем чертям, которых ты расцелуешь от радости! Но отныне каждому моему подданному, кто поймает тебя наверху и притащит обратно сюда, я буду дарить одну твою отрубленную часть! И снова отпускать к чёртовой матери! И снова ждать, пока изуродованный обрубок – Оре поймают и приволокут ко мне за уцелевшую конечность! И так до тех пор, пока две самых старых и сморщенных гномихи не передерутся из-за твоих яиц!

Уроды пронзительно завизжали, от радости стали плясать и облизывать друг друга.

Оре от ужаса и боли раскалился почти целиком. Никогда с ним доселе такого не случалось, и это напугало его едва ли не сильнее всего Гроттоскама. Оре казалось, что он начинает плавиться, – с него кусками сыпалась обугленная земля.

– Приказываю! – Гиуда достала из-за щеки несъеденный змеиный язык и высунула его как собственный. – Смерть! Начнись! Да поспешит карета в Ад!

Гиуда завертела змеиным языком, барабан забился пуще прежнего, а уроды дружно повторяли: «Шаг к Смерти! Ещё шаг к Смерти!»

Гигантский палач с рогом на лице подошёл к Оре, ломая под своим весом могучий камень. Ржавым топором величинной с телегу он замахнулся и разрубил три цепи, сковывав-

ших Оре. Четвёртую он отрубил вместе с раскалённой рукой.

– Убирайся, тараканишка без лапки!

Оре завыл от боли и рванул прочь, по пути обжаривая тела
глупых уродцев, желавших поймать его прямо здесь.

Утрата

Оре вылетел из Гротгоскама с горящим обрубок. Он был окончательно предан людьми. Последним местом, куда ему стоило бы бежать и прятаться, была его родная пещера. Но именно в неё Оре стремился как в утробу матери. Больше доверять ему было некому. Хоть и родная пещера однажды его уже не спасла.

Подбежав к ней, Оре забрался на холм и громко завыл, озаряя своим свечением весь лес:

– О-О-О-ОР-Р-Р-РЕ-Е-Е!!!

Оре очнулся под дубом у своей пещеры точно с похмелья, опухший от слёз. Ему было больно смотреть на свой обугленный обрубок. Обрубок болел и зудел до самого сердца. Быть может, когда-нибудь Оре смог бы смириться с утратой руки, если бы вместе с ней не выдрали и кусок его сердца. Казалось, что всё его тело росло именно из него.

Оре попытался присесть повыше, уныло повесив свою тяжёлую голову, как вдруг кусты невдалеке зашевелились.

– Кто здесь?! – очухался Оре.

Из кустов беспечно вывалились двое путников:

– А я ему: «Сам ты овощ!» – и окунаю рожей в суп!

– Стой, кто идёт?!

Путники замерли, увидев знакомое чудище у знакомой пещеры.

– Погодите-погодите, – прервал его Юм, – мы с Дюмом прошлялись уже чёртову тучу вёрст от твоей пещеры, почему мы опять оказались возле неё?

– Открою вам секрет, друзья: мы в сновидении автора. Это просто одна из его странностей, ничего особенного!

– А, ну, ясно!

– Всё в порядке, продолжаем! Стой, кто идёт?!

Путники замерли, увидев знакомое чудище.

Оре вскочил и по привычке приготовил левое плечо к удару. Да вот только теперь оно стало невыносимо лёгким.

– Тебя, кажется, слегка недостаёт, – произнёс Юм, не смыкая выпученных глаз.

Оре был сломлен, чтобы защищаться. Он чувствовал себя ничтожеством и воображал, будто всё вокруг его презирает.

– Я всё ещё могу вас прикончить, тараканы! – прорычал Оре дрожащим голосом и сам ему не верил.

– Ты вроде бы всего-то на руку полегчал, – страх Дюма испарялся при виде побитого цербера, – а выглядишь так, будто бы эта рука тебе единственным другом была!

– Да он, небось, единственной невесты лишился! – осмелел Юм.

Оре отвернулся, стыдливо пряча свой обрубок, и лишь буркнул через плечо:

– Убирайтесь! Убирайтесь прочь!

– Эй, друг, ты чего, шуток не понимаешь? Не кипятись ты! Наш отец ноги лишился – сосной придавило. И дядя без пальцев на ногах: уснул, дурень, в лесу – гномы быстренько ему ступни подъели! Нормальное дело для наших мест!

– Вы от Гииды? – надрывался голос Оре. – Вы Гиидовы щенки, да?!

– Что за чушь ты несёшь? Ясное дело, нет!

Оре повернулся к ним лицом и развёл в стороны руки.

– Хотите кусок свежеиспечённого Оре?!

Дюм заметил, что в этот раз его грудь была черна и холодна.

Взгляд Оре тоже не светился. Он был тёмным, отчаянным и мокрым.

– Да чтоб вы им подавились! – Оре рухнул на камень, повесил голову и закрыл её руками.

– Дай-ка я, – шепнул Юму Дюм. – Кажется, ему и правда худо.

Дюм подошёл к Оре.

– Нет, мы не от Гииды. Я Дюм, а это мой братец Юм, оба мы родом из деревушки Хоффш Карлаанского графства. Мы готовимся сражаться с Гиидой и ищем талисман. Без него нам не справиться, вот мы и шатаемся по миру!

– И мы вовсе не хотели тебя раздосадовать! – Подбежал Юм. Он осторожно положил руку на плечо чудищу, и на этот раз оно оказалось холодным. Юм в страхе отдернул руку.

– Это Гииды? Она убила тебя? Ты уже мёртв?! Отвечай!

Дюм сел рядом с чудищем. Чудище сидело неподвижно. Никто не шевелился в полной тишине. И Оре начал потихонечку рычать:

– Я жил в этой пещере, сколько себя помню. Мне кажется, я и родился в ней. Когда-то, когда я был ещё мальчишкой, мне приснился сон. В нём были добрые-добрые глаза отца, а я был обычным весёлым мальчиком. Потом раз – и меня точно бросили в омут. Я проснулся здесь. Чудовищем. Куском мёртвого камня – настоящим сыном пещеры. С тех пор я ни разу больше не видел таких добрых человеческих глаз! Почти ни разу... Этот сон часто снился мне. И каждый раз я просыпаюсь чудищем, по уши в омуте своей никчёмной пещерной жизни.

– Но мы твои друзья, прошу, поверь нам! – взмолился Юм. – Если это Гида тебя искалечила, то в таком случае у меня с ней личные счёты!

– Мы никогда в жизни не встречали существ, равных тебе. Клянусь! – продолжил Дюм. – Без тебя нам не справиться! Ты знаешь здесь всякий камушек и одолеешь любого сторожа или зверя! Вместе мы добудем талисман и вернём тебе руку! Как зовут тебя, человек из пещеры?

– Человек? Ха-ха! Ваши человеки знают меня как Оре – Железная Скала!

– Оре?! – Выпучил глаза Юм. – Тот самый Оре?! Я с детства обожал легенды о тебе, но и мечтать не мог свалиться тебе на голову! Мы теперь с тобой тоже братья! Братья ка-

менного шлепка – как тебе? Так ты с нами?

– Всё лучше, чем сидеть и горевать без толку. – Оре поднял голову. – Одолеть Гииду, говорите? Согласен! Только нельзя терять ни минуты! Лишь стемнеет – за мной при- тащатся её гиены, чтобы оттяпать от меня ещё кусочек!

– Тогда полный вперёд! – Вскочил Юм. – А по пути я рас- скажу тебе, как залечить твою рану! Уж я-то умею! Видишь, какой я целый? А говорят, что я уже 100 раз должен был убиться!

– Поговорить он умеет, не сомневайся. Только вот... – Дюм замялся. – Почему ты теперь холодный?

– Видишь ли, – начал Оре, скрывшись в пещере, чтобы умыться лицо в ледяной воде перед дорогой, – вместе с рукой отрубили и часть моей души. Моё сердце будто бы разорвали напополам, и теперь оно больше не бьётся. – Оре вернулся с ног до головы мокрый, со стекающими с волос струями воды.

– Плохи дела, – огорчился Дюм, покуда Оре отряхивался, как медведь, – но пока оно и к лучшему. Сейчас и правда лучше бы тебе не светиться!

Меч

Гида приказала собрать свой безобразный народ на площади. Гида стояла на своём троне неподвижно и величественно перед галдящей толпой. Но вот царице угодливо поднесли меч. Гида вознесла его над головой и обратилась к своим уродам:

– Этот меч выкован из руки того самого Человека-Руды! Это самый несокрушимый металл из всех известных нам! Грядёт война, в которой мы одержим победу! И отныне только мы будем жить под солнцем! Но для победы нам всем нужно смертоносное оружие! Те, кто будет раз за разом при-таскивать ко мне тело Человека-Руды, – но только в одиночку одолев могучего Оре и обхитрив остальных гроттоскамцев, – будут считаться лучшими воинами и в награду получают меч, копье или кинжал, скованный из отрубленной в честь поимщика железной плоти!

Уроды радостно затопали. Но в этот момент Гида вдруг ясно почувствовала, как рукоять меча стремительно нагревалась и начинала жарить ей руку. Грозная царица несколько не изменилась в лице и не выдала своему народу дьявольскую боль, что еле терпела. Царица держала разъедающий кожу меч высоко над головой всё то время, пока уродцы прыгали от радости. Когда все наконец утихли, Гида опустила чудовищное оружие, но не выронила жалящий меч из рук.

Она спокойно покинула трон и ушла в свою земляную опочивальню, велев страже не провожать её. Меч она унесла с собой вместе с тайной о его жутком характере.

Землистое царское ложе

Гида стояла перед куском разбитого зеркала в своей опочивальне. Она поглядела на свою обожжённую руку – та долго и с трудом заживала. Гида надела толстую кожаную перчатку на здоровую кисть и ухватилась ей за проклятый меч.

Гида ловко встала в боевую стойку, остриём меча пригрозив своему отражению. Меч оставался холоден. Тогда царица начала осторожно и медленно размахивать им, пристально следя за рукоятью. В объятиях мёртвой свиной кожи меч оставался таким же мёртвым. Гида ухмыльнулась, довольная собой, думая, что разгадала загадку хитрого меча. Она стала вертеть им всё ловчее и размашистей, не сдерживая злорадную улыбку своего триумфа. И тут меч внезапно вырвался у неё из рук и врезался остриём точно в зеркало, метко раскрошив самодовольное отражение царицы.

Гида сама точно раскалилась от ярости и с криком ударила кожаным кулаком в уцелевший кусок зеркала.

– Живо приведите ко мне кузнеца Тигота! И притащите с ним любую из нильбертильских девок! Вон! – прокричала царица, громко распахнув каменную дверь своей опочивальни.

Стража расторопно зазвенела битыми доспехами, удаляясь по приказу царицы. Вскоре двое стражников привели к ней кузнеца и приволокли испуганную чумазую девочку.

Девчонка не шевелилась, лишь чуть дрожала от страха и долгого голода, будучи украденной в одной из нильбертильских деревень и заточённой с другими ворованными детьми.

– Заприте за нами дверь!

Тяжёлая каменная дверь захлопнулась за приволочённой парочкой. Повисла гробовая тишина.

– Как он себя вёл? – Гида указала пальцем на привязанный к щиту толстыми ремнями меч, не желая больше к нему прикасаться.

Лучший кузнец Гротгоскама Тигот испуганно посмотрел на царицу. Казалось, он тут же понял, о чём она ведёт речь. К тому же Тиготу нечем было прикрыть своё чумазое тело, сильнее обычного изъеденное гнилыми обожжёнными ранами.

– Очень неподатлив, госпожа. Такого своенравного металла я в жизни не встречал!

– Но всё-таки сковал!

– С трудом, моя госпожа. Я грешил на твёрдость и непослушность странного железа. И на своё неумение...

– Он пытался тебя ранить? Он сопротивлялся тебе?!

– Боюсь показаться сумасшедшим, моя госпожа. Но, кажется, именно это он и делал всё время моей работы над ним!

Царица с презрением опустила веки и поджала губы. Ей было стыдно. Гида неистово гневалась внутри себя, что простак Оре её так облапошил.

– Возьми его! – сказала она Тиготу, не глядя на меч.

– Как прикажете, моя госпожа! – с дрожью в голосе послушался Тигот.

Кузнец подошёл к щиту и храбро расслабил все ремни. Достал меч и на мгновенье залюбовался им, озарённый блеском и чистотой собственной работы. Тигот перевёл восхищённый взгляд на гневающуюся царицу. Она не разделяла его радости.

– Убей её. – Царица указала ногой на сидящую в углу девочку.

Тигот опешил.

– Убить девочку?

– Да! – Гида повысила голос. – Зарежь эту чёртову дергунскую суку!

Сальные волосишки девочки, скрывавшие лицо и прижатые к нему колени, тряслись от страха и ужаса.

– Ты что, гадёныш, никогда не приканчивал детишек? – насмехался едкий голос царицы.

Тигота передёрнуло. Гида смотрела на него бешеными чёрными глазами.

– А уплетаешь за обе щёчки на моих пирах жаркое из детских потрошков!

Тигот раздул от ярости ноздри. Он выдохнул и уверенно пошёл с мечом на продрогшую от страха девочку. Тигот резко замахнулся, но тут меч выскользнул у него из рук да хорошенько полоснул самого Тигота по спине! Оставив глу-

бокую рану, меч соскользнул с чумазой спины Тигота и вылетел в черное окно прочь из спальни царицы. Окно выходило на чёрный подземный тоннель со сточной грязной рекой. Меч с лязгом упал и стремительно уплыл по течению.

– Проклятье! – завизжала царица, сметая всё на своём пути.

Раненый точно хлыстом Тигот из последних сил держался на коленях перед Гиидой.

– Прикажете догнать его? Да я из него канделябрскую!

– Нет! Пусть проваливает и перерубит пол-Нильбертилля к чёрту! Так я и знала! Этот меч живой! В нём часть живой души этого выродка Оре! И она будет творить что захочет, будучи даже вазой!

Царица ревела. Вскоре она угомонилась, понизила голос и грозно добавила:

– И никто не должен знать!

– А как нам быть с Оре? Что мы дадим в награду поймавшим его?

– Скуёшь обычные мечи! И пусть довольствуются своим плацебо! Никто ничего не заподозрит! А нильбертильскую суку!.. – Гиуда с отвращением бросила взгляд на девочку, точно виноватую во всём. – Я задушу лично!

– Позвольте мне, госпожа! – поспешно возразил ей Тигот. – Искупить мой промах! Я ведь меч упустил, а её так и не прикончил!

Гиуда с сомнением посмотрела на кузнеца.

– Ну, забирай, – пролепетала она и ушла в раздумья, раздосадованная тем, что не выместила злость на девчонке.

– Открывайте! – Гиида бахнула, не глядя, кулаком по каменной двери и скрылась во тьме опочивальни.

Дверь распахнули, и раненый Тигот, не подавая тревожного вида, поспешно покинул опочивальню царицы, унеся с собой девочку.

Находка

Глухая и ясная ночь легла на деревушку Хоффш. Зловещая тишина, казалось, жадно пожирала даже робкие стрекотания сверчков. Тигот, страшась лунного света, выполз из-под земли с мешком на плече. Ночь была как назло ясной, и тысячи звёздных глаз с укором впились в Тигота. Он не видел их уже много лет. Но звёзды, как и тогда, хором кричали: «Вот он! Вот он! Всё равно убийца!»

Тигот нёс мешок, пробираясь в высокой траве, пока не вышел на луг. Где-то вддали мелькало несколько лучинных огней, иногда срывавших одеяло тьмы с тела спящей деревни.

Тигот положил мешок на сырую траву и прошептал ему: «Вот и всё!» Одним движением развязал верёвки и испарился, скрывшись в траве. Лунный свет озарил в распаханном мешке тело девочки. Девочка была жива.

Неподалёку на лугу послышались испуганные крики:

– А! Оно шевелится! Шевелится!

– Там, в траве!

– Я говорил вам – доиграемся и выманит дьявола!

Несколько юношей и девушек, баловавшихся колдовством ночью на лугу, побросали свой ведовской инвентарь и осторожно зашагали с лучинами к шевелящейся траве.

– Да это всего лишь девочка! – Рыжая девушка в сером платье первая осмелилась подойти к перепугавшему всех

мешку. Девочка сидела в нём, прижав колени к груди, и боялась вылезти.

Рыжая девушка осторожно прикоснулась и приподняла запястье девочки.

– На ней тату не нашей деревни! Как тебя зовут и где твой дом?

Девочка бегло и звонко выпалила:

– Флея! Меня украли из Кирпия! – и часто задышала, всё ещё остерегаясь, не совершила ли ошибку, выдавая себя незнакомцам.

– Меня зовут Ирэя. Мы тебя спасём.

Расправа

Спустя время Гида вновь послала стражу за Тиготом. На этот раз царица нежилась в бассейне и велела привести кузнеца прямо сюда, в свою тайную баню – единственное место в пещерах Гротоскама, куда пробивалась чистая вода.

– Ты убил дергунскую суку? – пролепетала размякшая Гида, услышав шаги пришедшего. Она сидела к нему спиной в чистом каменном бассейне. Её обнажённое тело было непривычно белоснежным под голубым светом.

– Я здесь, моя госпожа. Я выполнил данное вам слово.

– Мне нужна её кровь. В качестве доказательства! Где следы её крови? Приведи меня к ним. Я их узнаю по запаху этой мерзкой твари.

– Но я придушил её, госпожа! Простите меня, я всего лишь хотел исполнить ваше собственное пожелание. Придушить её!

– Кто видел, как ты её душишь?

– Никто, моя госпожа. Девчонка могла проболтаться, и я спрятал её в чулане.

– Она всё ещё там?

– Нет, моя госпожа.

– Где же её поганый труп?

– Я скормил его волкам. Нам понадобятся соратники в войне, и я решил, что будет славно прикормить подоспевших

на запах хищников.

– Ты решил?! Я не распорядилась! – грозно повысила тон Гида, продолжая игриво водить пальцами по прозрачной водяной глади.

– Простите, моя госпожа. – Тигот склонил голову так, чтобы это стало заметно по его изменившемуся голосу. – Я заслужил наказание.

– Наказание, – ухмыльнулась Гида, вставая и выходя из бассейна. Кристально прозрачная вода стекала по её голубой коже при лунном свете, пробивавшемся сквозь дыры откуда-то сверху. – Ты прекрасно знаешь, что наказанием за кормёжку волчат дёшево отделаешься!

Её обнажённое, голубое в свете Луны тело походило на призрака.

– Как звали тех волков, что пришли за добычей?

– Не могу знать, моя госпожа. Я тайно оставил тело наверху, у входа в пещеру!

– Как же тогда, чёрт подери, они узнают, что это дар от царицы?! – всплыла Гида, оголив клыки. Её белые зубы оказались вовсе не гнилыми.

– Но я оставил им записку, где...

– Хватит! Твоя ложь теряет изящество!

Гида обошла Тигота кругом.

– Я не вижу твоих глаз! Я не понимаю, лжёшь ты или говоришь правду! Ты весь испачкан сажей. Умойся! Умой лицо в моём бассейне!

Гида улыбнулась и поманила Тигота пальцем к своей каменной ванне.

Тигот боялся подвоха. Он знал только, что стража была далеко – они с Гиidou были одни в этой секретной беседе. Но Тигот утешил себя тем, что, подойдя ближе к бассейну, он хотя бы сумеет разглядеть, откуда пробивается свет и удастся ли ему бежать. Тигот послушно подошёл к бассейну, встал перед ним на колени, медленно нагибался и внимательно вглядывался в отражение потолка. Он не спеша опустил ладонь вниз, чтобы зачерпнуть воды.

В этот момент Гида схватила Тигота за чёрные сальные патлы и окунула в воду с головой. Тигот в ужасе решил, что та его потопит. Но, лишь чуть-чуть подержав под водой, Гида достала испуганную голову Тигота обратно на свет. С волос стекала чёрная сажа, а под ней проступила блестящая седина.

– Ты немного старше, чем хочешь казаться. – Гида отошла в сторону от мокрого разоблачённого пса Тигота. – Чёрт меня дер! Да тебе столько лет, что ты мог позабыть всю свою жизнь! Позволь, добрая царица напомнит её тебе, покорный мой старичок! Ты и правда смог убить ребёнка! Много лет назад ты угробил своего сына, не отдав младенца королю, – последнее, что с тебя можно было взять. Казнить тебя, а тем более содержать в тюрьме было бы дороже, чем держать на воле, и даже опасно! Ведь ты мог о столько дерьма выболтать сокамерникам! Да и как казнить перед народом

честного и нищего вдовца? Кто поверит, что он сам прибил своего сына, а не ворвавшаяся к нему разъярённая стража? В такое-то время, когда даже церкви осаждались недовольными. Нет! Исключено! Да к тому же на тебе всё ещё можно было недурно нажить! У тебя в рукаве водилось столько полезных трюков! Вот тебя и заперли в уютных подвалах королевского замка, под самое королевское крылышко – плодить своих знаменитых зелёных фей для короля и его гостей! Благодаря твоему пойлу было одурачено и одурманено столько иностранных послов, заключено столько выгодных афер, отдано твоему королю столько чужих графств на съедение, что Нильбертилль расцвёл и раскинул свои жадные лапы над чужими землями! Бедные крестьяне вынуждены были бороться уже не с королём, а с нами, порабощёнными и жестокими чужеземцами. Bravo! С нас – свежая дань, народу – занятая друг другом злость! Твоя заслуга? Конечно же, тебя щедро содержали и поселили в палаты для царской прислуги! Хорошо кормили и дорого платили. Ты тепло устроился – для убийцы собственного сына! И предателя собственного народа, некогда готового заступиться за твою жизнь перед королевской плахой! Это здорово грызло тебя все эти годы, разъедало внутренности – как черви хитирии наши земли. И ты не выдержал. Сорвался и бежал от хорошенькой жизни! К нам. В тюрьму и отшельничество. Отбывать свой заслуженный срок!

– Откуда ты знаешь?.. – пролепетал ошеломлённый Тигот.

– Переспала с одним гномом, пообещав ему тебя в качестве трофея за победу в грядущей войне. Они тебя помнят! И на черта это ты им сдался? Постой! Не отвечай. Я сама тебе потом всё расскажу! Обожаю раскопку чужого грязного белья! Но вернёмся к дергунской девке. Я заподозрила неладное, когда ты струсил заколоть её мечом, а после так отчаянно рвался расправиться с ней! Да ведь и я соврала тебе: никогда ты не ел детской плоти! Её не готовят для прислуги, идиот!

– Я бандит и убийца! Я убил своего сына! Изуродовал Нильбертиль! И самовольно пришёл к тебе – подчиняться тебе, тебе, Гида – царица Гроттоскама! Ада при жизни! Разве этого тебе не достаточно? Разве это не доказывает, что я головорез и конченный ублюдок?! Я страстно служил тебе семь лет! Я старый кузнец, от меня и не было бы проку на поле битвы! Но я одел твоих солдат! И не убил лишь безобидную девчонку, потому что убил своего сына! Я прикончил своего мальчугана и поклялся перетравить хоть весь королевский двор, но больше никогда не тронуть ребёнка!

– Трус! Ты оставил в живых свидетельницу моего провала! Выковал и сам же упустил капризный меч! Уплывший вместе с моим позором и всем гроттоскамским дерьмом прямо к лону Дергуны, идиот! И туда же пристроил малолетнюю суку, что уже умеет говорить и проболтается, как пить дать!

Гида так неистово орала, что Тигот понял, что они наверняка совершенно одни и стража слишком далеко, чтобы

их слышать.

Когда-то, ещё при дворе, Тигот часто истязал и наказывал себя. Он был вдали от кузницы, но хорошо знал металл. Экспериментируя с кухонными ножами, Тигот невольно столь же хорошо узнал и свою кожу, её нрав и особенности. Придя к Гииде, он был уже не молод, но по-прежнему чертовски хитёр и предусмотрителен.

Носить оружие полагалось только царице Гроттоскама Гииде и её страже. Простой кузнец мог таскать с собой в лучшем случае короткую верёвку, но и её отобрали бы, приди он с ней к царице в баню. Поэтому в ночные часы, когда все спали, а ему разрешали работать, Тигот аккуратно подрезал обвисшую кожу на своём плече. Раны можно было спрятать или свалить на острия оружия, которое приходилось таскать охапкой прямо за пазухой. Да и кому из уродов интересны чужие какие-то там болячки? Здесь все мочились и рыдали кровью.

Тигот подрезал и подшивал кожу на плече, пока не сшил в нём самый настоящий карман. Туда он спрятал большой гвоздь, который стража не нашла при обыске перед царской баней. И видя, что царица обнажена и поглощена яростью, Тигот ловко вытащил его из узкого кармана в коже плеча, подскочил к Гииде, заревел для собственной храбрости и что было мочи пригвоздил левую ступню царицы прямо к каменному полу. Гиيدا взвыла, подорвалась с места, но не смогла оторвать ногу от камня и ещё пуще заорала от невыноси-

мой боли. Тигот отчаянно запрыгал по каменистым стенам и удрал через окно в потолке, откуда пробивался лунный свет.

Клад

– Стойте! – вдруг остановился Оре. – Я чувствую... Я кое-что чувствую!

– Что, чтостряслось?

– Рука... Она где-то рядом!

– Я тоже часто чувствовал, будто мои волосы больно путаются в ремнях рюкзака, после того как Дюмито одной проклятой ночью обрил меня наголо! Привыкнешь, друг! Жаль только, рука не отрастёт...

– Да говорю же вам! – Оре размотал повязку со своего обрубка. Запёкшийся было конец горел и мерцал, и из него сочилась янтарная кровь.

– Вот дела! – Юм нервно почесался.

Дюм наклонился к светящемуся обрубку, озарившему его лицо, а затем повернулся к Юму.

– А твоя лысая башка даже солнце не отражала! Надо было заодно и её болтливую половину отрезать!

Юм пнул Дюма по голени. Дюм пнул Юма в ответ. Юм толкнул Дюма в плечо. Дюм толкнул сильнее. Юм с криком бросился на Дюма – и оба повалились в пыль.

– Угомонитесь вы оба! – рявкнул Оре, сидевший молча и с закрытыми глазами. Братья, отряхиваясь, послушно встали.

– Она где-то близко. Но из-за вашей драчки я её не чую!

Юм и Дюм замерли на месте. Оре поводил носом. Зажму-

рил глаза. Сделал выпад, пронзая обрубок воздух. Потом резко ещё раз – в другую сторону. Потом лихо развернулся и вонзился обрубок в невидимого противника сзади. Неуверенно потоптался и обречённо рухнул на камень.

– Нет, не могу. Ничего больше не чувствую... – Оре повесил голову.

– Может, погуляем по округе? Будем идти туда, где твой локоть засветится ярче!

– Боюсь, он уже остывает, – обречённо произнёс Оре. – Я слишком устал. И теряю связь...

– Тогда ты отдыхай, а мы с Дюмом прочешем все кусты!

– Да вас только за чёртом посылать! Его-то вы мне и приведёте!

– Ну и что нам прикажешь делать? Сидеть и ждать? Дюм, ты у нас умный!

– Дождёмся темноты. Авось спрятанная рука тоже загорится и укажет нам путь. А тебе, Оре, хорошенько бы передохнуть и набраться света.

– На-а-ам все-е-е-е-ем нужно передохнуть, – зевая, лёг на свой рюкзак Юм.

Оре и Дюм тоже свалились без сил и тут же крепко уснули.

Спустя пару часов Дюм проснулся от крепких ударов в бочину.

– Эй! Да проснись же ты! – шептал Оре.

– А?

– Скажи-ка, ты правда обрил старину Юма по самые уши?

– А, что? Это? Да... По заслугам! Мало ему ещё было!

– Вот уж не сомневаюсь! – посмеиваясь, закрыл глаза Оре и захрапел.

Свет

– Эй, очнись! – На этот раз Юм разбудил Оре. Царила кромешная тьма.

– Ты что, рехнулся?! – Протирал глаза напуганный Оре. – Ночь на дворе!

– Потому и бужу, дубина! Тебя всего лихорадит!

Оре лежал весь взмокший. Обрубок в полной темноте, казалось, пылал пуще прежнего.

– Ого! – От шума очнулся Дюм. – Пора искать!

Спустя мгновение или час

– Да мы каждый угол прочесали! Может, рука твоя в землю зарыта? – Дюм был потрёпанный и с синяками под глазами.

– Может, она уже мертва давно и её съели червяки! – сердито язвил уставший Юм. Оре от его слов точно кипятка глотнул. Юм заметил немое отчаяние, но не угомонился. – Да-да! Мы полночи её ищем и ищем повсюду как чумные, а ведь она уже пару недель как отрублена! Знаешь что? Мне жаль, что руку отрубили, и всё такое, но с меня хватит! Вместо талисмана ищем не пойми что! Конечности столько не живут! Наверняка из неё уже выросло дерево, под которым мы спим! Не удивлюсь, если рука давно превратилась в этот камень, на котором ты дрых! – Юм пнул по здоровому булыжнику, служившему Оре подушкой.

От лёгкого удара крепкий камень едва подпрыгнул, но друзья успели заметить, что из-под него выскочила искра.

Звезда под камнем

Оре одной рукой приподнял здоровый камень, и из-под него хлынул ослепляющий глаза свет. Братья прищурились и тут же отвернулись, пряча лица за вытянутыми вперёд руками. Лишь Оре без труда смотрел на свет своими янтарными глазами, почти такими же яркими, точно подоженными от зримого пламени свечками.

– Что это? – обжигаясь и отворачиваясь, поглядывал на свет Дюм. – Потерявшаяся звезда?

– Нет! – Взгляд Оре был околдован. Он наклонился к светилу и аккуратно взял его в свою руку. Точно приручённое, сияние утихло, и ребята разглядели звезду.

– Это меч! – прохрипел ужаснувшийся Юм.

– Меч... – задумчиво повторил Оре, не отводя от него околдованного взгляда. Пламя меча покорно ослабло перед лицом Оре, так что теперь меч лишь слабо освещал фигуры путников.

– Ты почувствовал меч?

– Может, это и есть тот самый талисман?

– Нет! – отрезал Оре с улыбкой, точно зная, о чём говорит. – Это она!

– Кто? – хором спросили братья.

– Невеста моя, болваны! – Голос Оре дрожал от счастья. Он радостно подобрал меч, поймал и восторженно погля-

дел на братьев. – Это она! Моя рука!

– Меч?! – никак не могли прийти в себя братья.

– Кто-то выковал из неё меч! – Оре восторженно сунул его под нос Юму.

– Какой он... красивый! – застыл замороженный Юм.

Дюм оттолкнул влюблённого брата и тоже поглядел на волшебное оружие.

– Что за странная гравировка на нём? Что это за символы?

– Плевать! – ликовал Оре. – Наверняка гротоскамская тарабарщина! Дуну – и слетит к чертям!

Юм схватил за плечи Дюма.

– Мы нашли! Мы наши руку! – и принялся танцевать. – Мы нашли меч! Я нашёл камень! Я нашёл талисман! – и запрыгнул на спину к Оре.

Счастье

– А можно и мне подержать? – Спрыгнул со спины Юм. – Я аккуратно, через перчатку! – Побежал к своему рюкзаку и тут же примчался, зубами расшнуровывая перчатку лучника.

– Ты и её с собой притащи! – раздражённо качнул головой Дюм.

– Не сейчас! – рявкнул Оре. – Я теперь свою руку из рук не выпущу!

Юм послушно утанцевал за дерево, напевая себе под нос.

Дюм подошёл к Оре.

– Но ведь это и правда меч. Раскалённый меч. С чего ты взял, что это твоя рука?

– Я точно узнаю свою руку, сомнений нет! Это она!

– Но выходит... Что она из железа!

– Да ещё из какого! – крикнул из-за дерева пляшущий Юм.

– Понятия не имею! – Оре был до беспамятства счастлив. Его янтарные глаза слезились. – Если и так, что с того?

Дюм что было сил крепко схватил Оре за плечи.

– Выходит, ты весь из железа! – устрасшающе прошептал Дюм. Юм тут же очутился рядом. Дюм серьёзно глядел в глаза Оре.

– Скажи! Тебе больно было смотреть на его свечение?

– Конечно, нет! Что за глупости, я каждое утро во все глаза встречаю рассвет!

– Оре. Ты не просто из камня! Ты взаправду Железная Скала! Ты – Оре! Человек из руды!

– Ну, теперь-то можно подержать? – не успокаивался Юм. Оре недоверчиво глянул на него.

– Держи! – ответил он и воткнул меч в землю.

Юм потихоньку ухватился за тлеющую рукоять. Она нервно подмигнула чуть ярче. Юм, ликуя, взглянул на Оре и попытался выдернуть меч. Довольный, как щенок, не теряя восторженной улыбки, Юм никак не мог сдвинуть меч с места.

– Дай-ка я попробую. – Дюм протянул руку к Юму, требуя перчатку.

– Ты и её с собой притащи-и-ил! – передразнивал Юм и швырнул перчатку Дюму.

Теперь оба брата танцевали вокруг неподвижного меча. В какой-то миг мечу всё это жутко надоело: он самовольно изогнулся и заехал каждому по очереди красной рукоятью в лоб.

– Не просто так твой меч под камнем оказался! – Потирал голову Дюм. – Не спрятали его, а нарочно избавились! Раз у него такой скверный нрав!

– Видать, не одну драку твой меч попортил своим непослушаньем, вот его и вышвырнули! И камнем придавили! – Юм еле отдышался.

Оре довольно и самозабвенно смотрел на меч, преданно ждавший хозяина строго там, где Оре его и вонзил.

Сколько дел впереди

– Нам бы добраться до города. Раздобыть сносной еды да вестей о талисмане. И одежонку Оре! – Дюм кивнул на драгую кожаную повязку на чёрных каменных бёдрах.

– Ещё чего! Не стану я рядиться!

– Братец прав. – Юм дёрнул за повязку, едва не слетевшую с крепкой задницы Оре. – В таком виде тебя быстренько упекут в каталажку! Если не успеют продать Гииде!

– Да-да. Разбежусь только! – сопротивлялся Оре.

– Да сообрази же ты, маяк на ножках! – Дюм встал на цыпочки, вытянул руку вверх и всё равно кое-как дотянулся до макушки Оре. – Ты же светишься на всё Королевство! Купим тебе мантию с капюшоном и башмаки.

– Я даже пожертвую свои снасти для стрельбы! – Влез между ними Юм. – Они у меня ого-го! За них золотого дадут, чтоб мне провалиться!

– Ладно, мартышки! Капюшон мне нравится! Под ним я спрячу глаза. А как быть со всей остальной чёрной рожей?

– Бороду! Дюмчик, добудем ему бороду!

– Дороговато выйдет. Боюсь, на бороду не хватит. К тому же мы и без того вызовем подозрения, покупая плащ и башмаки для великана. А тут ещё и борода! За полгода до маскарада!

– Юмчик! – ухмыльнулся Оре. – А своей роскошной гри-

вой не желаешь пожертвовать?

– Руки прочь! Я её кое-как отрастил после Дюмовой шуточки!

– Да ладно тебе! Опыт есть – ошипанным ходить!

– Только троньте меня! – Юм пригрозил друзьям указательным пальцем, будто шпагой.

– Боюсь, выхода у нас нет. Твои вьющиеся жёсткие снопы как раз сойдут за хорошую бороду.

– Да тебе просто не терпится опять меня оболванить, братец! Экий удачный повод! Ты просто завидуешь, ясно? Отвалите от меня оба!

– Братец, я серьёзно. Мне жаль твою гриву, но она отрастёт, как и прежде. А сейчас нам очень нужна твоя помощь.

– Тьфу! Подавитесь, мерзавцы! – бросил в сердцах Юм и полез в рюкзак за ножом. Потом вдруг остановился, словно передумал, развернулся и добавил: – Но только после того, как погуляем в городе и вернёмся! С плащом и башмаками!

– Идёт!

Парадные врата Кирпия

– Юм! А Юм! – Оре от смеха шевелил торчащей бородой. – Не мне над тобой шутить!

– Вот и помалкивай! Вид у тебя идиотский!

– Не сердись! Вы с Дюмом оба тощие, как дохлые кошки. Но Дюм тебя неплохо остриг! Ты похож на очень мужественного грозного цыплёнка!

– На себя погляди! И свою торчащую солому над ушами! Почему бы тебе не отрастить целый стог на своей голове?

– Я это... Не могу! Я их подпаливаю... Ну, не специально! Просто стоит волосам чуть отрасти – и они начинают щеко-тать мне затылок. Я нервно раскаляюсь и сжигаю щеко-чущие концы...

Кирпий

На узенькой улочке, вымощенной крупными булыжниками, трое путников подслушали разговор двух господ в клетчатых твидовых пиджаках:

– Ты ведь так лелеешь свой лимонарий! Как же ты доверил этому сэру устроить в нём веселушку на всю ночь?!

– Физия этого бандита вызывает больше доверия, чем твоя прилично одетая рожа! Уж он-то наверняка с кем попало водиться не станет!

– Но ведь это будет целая толпа бандитов в твоём лимонарии, и на всю ночь! Он может ручаться, что во время взбучки твоим лимонам не прострелят спелые бока?

– Именно! Если в моём лимонарии произойдёт драка по его воле, значит, она того стоила! Святые небеса, в моём лимонарии надерутся и передерутся отличные люди! Я бы хотел, чтобы так и было!

Кирпий был третьим по значимости городом в Нильбертилле и главным техническим и научным центром. Кирпий славился хладнокровными изобретателями и лучшими физико-механическими колледжами во всём королевстве. На главной городской площади проходила ярмарка – редкое явление в сдержанном Кирпии, ибо холодные и чопорные кирпичицы встречали ярмарки как варварские вторжения – без всплесков и азарта.

Базарная ярмарка с бродягами и торгашами посреди точного, как механические часы, Кирпия явилась заразным гнойником, всюду пускавшим свои приставучие больные клетки. В иной день наших путников ещё у самых врат перехватила бы полиция да приютила бы надолго, не добившись от них документов. Но ярмарка пришлась друзьям на руку.

– А, это наверняка двое изморённых клоунов и гигантский силач! – бросил напарнику кирпичийский шериф. Он был прославленным любителем колотить и изводить бродяг, но сейчас, точно объевшийся сладкого малыш, не желал даже взглянуть на путников.

Сходившие за полных придурков Оре, Дюм и Юм отвращали от себя всякое внимание снобов, особенно местной полиции. Циркачей было слишком много, чтобы стать побитыми белыми воронами, но слишком мало, чтобы внести свой порядок в Кирпий. Их было ровно столько, чтобы кирпичицы постарались их не замечать и думать, что их нет. Почему-то сотню уродов легче игнорировать, чем одного. Когда вас трое уродов, вы приманиваете расправу над собой, когда тридцать, отвращаете, а когда вас тридцать тысяч, вы перестаёте быть уродами и превращаетесь в расправу сами.

Балаган моральных уродов

Посреди площади, прямо под гигантскими рокочущими и звенящими бронзовыми часами с маятником, способным снести целый замок, бесцеремонно развалился приехавший балаган. Балаган моральных уродов.

Оре, Юм и Дюм шли мимо клеток и видели, как сквозь решётки на них глазают обезображенные судьбой.

Никому не интересные путники без страха останавливались поглазеть на уродов и рассмотреть как следует каждого. Водились там всякие.

Дожившие До Старости Тупицы.

Притуплённые и Бесчувственные. С одних Притуплённых гроздьями свисали глаза, что еле различали свет и оттенки. Другие Притуплённые носили ожерелья из языков, не чуввавших вкуса.

Притуплённые со связками из глаз в руках подходили к решёткам и, точно фонари, подносили эти связки к прутьям, чтобы разглядеть подошедших к клетке зевак. Они отбирали друг у друга глазастые гроздья с криками: «Дай-ка мне, я посмотрю!» Но сколько бы глаз они ни пялили на прохожих, всё равно не различали их между собой: «Небо синее, трава зелёная! Что ещё за бирюзовый вы выдумали?!» Притуплённые обзывали прохожих крестинами и смеялись: «Я умнее, потому что не вижу!»

Те Притуплённые, что были обвешаны отрезанными языками, то и дело снимали с себя свои языкастые ожерелья и по очереди подходили к дымящемуся котлу. Они окунали свои языки в зелье из уксуса и красного перца. Зелье лишь слегка щекотало их языки.

Бесчувственные шатались окровавленными – с ключьями содранной кожей. Они старательно сцарапывали с себя кожу, чтобы почувствовать хоть что-то: ветер, мороз, солнце, тоску.

В одной из клеток сидело с десяток обычных на вид людей. Их выдавал высокомерный отрешённый взгляд.

Оре подошёл к хозяину балагана и кивнул на клетку.

– А это что за сумасшедшие?

– А это музыканты без музыкальных сердец! Кстати, некоторые из них неплохо разбираются в нотах и даже понимают толк в музыке! И ещё почти все как один без усталости тарабрят имена известных музыкантов! А ещё погляди вон на ту кучку отбившихся в углу! Вот они признают только неизвестных музыкантов. Так они считают себя особенными.

Оре сунул нос в решётку. Сумасшедшие перешёптывались: «Соната номер триста! Фуга ре минор! О, фуга ре минор!»

– Но не чувствуют! – шепнул ему на ухо незаметно подкравшийся хозяин. – Не чувствуют музыку! Не ощущают силу мотива! Ни одна мелодия не способна заставить их плакать!

– А орган?

– Ничегошеньки! А от всего, что сыграно без показной сложности, у них начинается истерика и приступы желчной рвоты. Поглядите сами!

Хозяин ударил палкой по решётке, отчего музыканты встрепенулись. Потом хозяин достал дудочку и нахло чуть фальшиво сыграл глубокий горный мотив. У Оре по спине побежали мурашки. Музыка просачивалась в вены и дурманила.

Музыканты запрыгали на решётки, зацарапали прутья, но вскоре забились в углы и отрешённо бормотали: «Три аккорда... Три аккорда... Три аккорда...»

Оре плюнул и отошёл от балагана. Братья поспешили за ним.

– Кому может понравиться весь этот страх? – вспылил Оре.

– Другим моральным уродам! Чтобы те почувствовали себя не такими уж уродами! – ответил Юм, что-то жуя.

– Ценители балаганов, – донёсся голос спящего автора, – это уроды, которым чуть-чуть не хватило баллов, чтобы в него угодить.

– Или искушённые извращенцы! Романтики да художнички! – всё жевал Юм.

– И как же не спутать искушённых извращенцев с уродцами-невеждами? – раздражался Оре.

– Извращенцы не смеются над уродами! Они ими очаро-

вываются...

В углу одной из клеток сидела девушка без кожи и безучастно пялилась на Оре. На прутьях решётки Оре увидел маленькую ржавую табличку. На табличке было стихотворение:

Ценители балаганов

На арене в клетках сами!

Кто сдуся в заливиستم хохоте

Над чьим-то уродством и глупостью,

Тот выдал свои вкусы в юморе!

Богатый в чужом уродстве

Отыщет своё благородство!

Разумный и в куцей глупости

Найдёт себе капельку мудрости!

Талантливый в чопорной серости

Черпнёт вдохновенья ковшом!

Как радоваться тому лишь, что этот урод – не ты?

Мудрый рад красоте. Мудрых красоты питают!

Дурак рад чужой нищете.

Олуи

– Живёт в Кирпии один тип из нашей деревни, – начал Юм за обедом в таверне, – настоящий городской чудак! Он был самый умный и самый чокнутый в нашем Хоффше. Выучился в кирпичном колледже какой-то там новейшей механике! И теперь изобретает всё подряд – на здешний модный манер. Но в том, что касается странных легенд и сумасбродных идей, ему не было и нет равных! Уж он-то наверняка что-то слышал о талисмани и дело посоветует!

– А доверять-то ему можно? – Голодный Оре зубами оторвал кусок от бараньей ноги.

– Да он будет прыгать от счастья, когда нас увидит! Он нас даже братьями называет только потому, что мы из Хоффша! Хотя мы вовсе не братья и даже не шатались вместе!

– Это верно! – довольно согласился Дюм. – И ещё он самый бескорыстный простака из всех, что я видал! Тебе нечего бояться, Оре, кроме его чудной головы.

– После вас мне уже ничто не страшно!

Паб

Вечером Оре и Дюм ожидали того чудака в одном из шумных кирпичийских пабов.

Юм встретил его у входа и наспех что-то объяснял. Волосы Юма вновь были длинными и волнистыми. (Обожаю свои сны!)

Чудак подлетел к Оре.

– Олуи! Очень приятно, господин О! Ох, как я рад вас всех видеть! Тётушка много писала мне о вас, братцы! Конечно, я знаю, о чём вы! Мне в ту же сторону – я вас провожу!

Оре слегка обалдел. Ему протянул руку миниатюрный худощавый парень в тёмных очках с толстыми круглыми линзами и с топорщившимися из-под кожаной кепки жёсткими чёрными волосами. На нём хорошо сидел маленький кожаный плащ, сшитый из разноцветных лоскутов и весь увешанный деревянными и металлическими штучковинами – видимо, изобретениями этого чудака. Чудак Олуи крепко стоял в высоких чёрных сапогах с дюжиной ремешков и толстой подошвой. Олуи походил скорее на театральную куклу, нежели на живого человека.

Он достал потрёпанную кожаную карту и разложил на барной стойке.

– Э, а ничего, что здесь полно глаз? – сердился Оре. – Мо-

жет, ты ещё раздашь всем программки с нашим путешествием?

– Ерунда! Это ведь не самая привлекающая внимание вещь на мне! – гордо ответил Олуи.

– Это уж точно! – Юм с восторгом глядел на выбившегося в чудаки земляка.

Чёрная кожаная мантия до самого пола наглухо спрятала Оре. Глаза его едва сверкали свечными огнями из-под длинного чёрного капюшона. Но и в этих тусклых огоньках ясно горел недоверчивый интерес к Олуи.

– А это ещё что? – Оре ткнул пальцем в бок Олуи.

– Что, что именно?

– Сбоку! Что в этой привязанной ампуле?

– О! В этой ампуле моё ампула!

– Похоже на виски!

– Так и есть!

– Розовые очки? Это ещё зачем?

– А это на чёрный день!

Олуи перевёл дух.

– Так! Слушайте! – Он ткнул пальцем в совершенно бессмысленные каракули на карте. – Речные русалки! Они не могут выбраться в море! Хотя они такие же жадные и голодные до сердец моряков и пиратов, как и их морские сестрички! Поэтому, друзья, речные русалки отрачивают длиннющие волосы вдоль всей реки вниз по течению: через водопады и пруды распускают свои снопы, заросшие водорослями.

Тянут их через всё дно, пока волосы наконец не дорастают до бухты и не впадают в открытое море!

– Очень познавательно! – перебил Оре. – Один вопрос: ты в своём уме?

– Терпение! Сначала речные русалки отращивают шеvellюру длиной всего в пару аршинов и тут же плетут из неё сеть! После этого они отпускают сеть расти и плыть в сторону моря. Тогда сама река год за годом забрасывает в пучину заранее сплетённые из волос сети! Волосы к тому времени зарастают водорослями и всяким мусором и становятся такими цепкими и вязкими, что в них попадает даже крупная рыба! Там же эта рыба гниёт, образуя всё новые слои болота в волосистых сетях. Рыбаки их ещё называют свомп-стримами, или болотным течением. Та ещё мерзость – вляпаться в него, переходя через ручей! Болотная колбаса вдоль реки – государство в государстве! Так вот. Зловонные сети впадают в море и продолжают гнить! Спустя годы болото внутри сети становится таким большим и зыбким, что в нём вязнут, как мухи в паутине, здоровые моряки и пираты, неосторожно заплывшие в топь! И, как и бедные рыбёшки, остаются в русалочьих паутинах навсегда!

– Ну и какой русалкам с этого толк? Вернее, что с того вообще?! Что за чепуху ты несёшь?! – Бахнул кулаком по карте Оре.

– Вот именно! – поддержал его Олуи. – Сердца моряков, пока ещё бьются, так мягко волнуют русалочьи волосы, что

те, выжидая в пруду, сладко качаются в такт, точно питаются и высасывают жизнь и последние трепещущие удары! Прямо через волосы! Потому русалки очень любят буйные сердца! Ах, чертовки! Вот бы мне одну... Так вот! Вам нужно украсть – найти и вытащить – из сети одно такое сердце! Оно принесёт удачу! Это и будет ваш талисман!

Оре повернулся к Дюму.

– Ты у вас в Хоффше самый нормальный, да?

Олуи втиснулся между ними и прошептал на весь бар:

– Это и будет ваш секретный талисма-а-а-ан!!

– Ну и что нам делать с этим гнилым куском мяса?!

– Этого я знать не могу. Никто не знает! Но украденное у русалки сердце к чему-нибудь да приведёт.

– Олуи дело говорит, – вмешался Дюм, почуяв накал страстей. – Чудеса его никогда не обходили стороной, так что в своём деле он профи! К тому же у кого-то есть иная идея, где нам добывать талисман?

Оре недовольно молчал, Юм радостно покачал головой.

– Тогда собираемся в путь! – Олуи скомкал карту. – Дорогу к русалочьим ручьям я и так помню!

– Прямо сейчас? – Даже Юм был удивлён такой спешкой.

– Ты прав, я поторопился. – Олуи привстал на цыпочки и крикнул в дальний конец барной стойки: – Эй, Дроуи! Где наш чёртов ром?

– Ты, ублюдок, ни черта и не заказывал с тех пор, как оши-ваешься здесь, – уже полгода! – сердито отозвалось где-то

вдалеке.

– Тогда нас и впрямь ничего не держит! – вскочил Олуи.

– Притормози, друг! – Дюм удержал Олуи за плечо. – Нам бы поесть чего погорячее перед дорогой да выспаться на нормальных койках: мы уже несколько недель шатаемся по лесам и по русалкам точно не заскучали.

– А вот я жуть как соскучился по тётушкиным пирожкам! – согласился с братом Юм.

– К тому же наш господин О не прочь погулять по Кирпию, – крыл козырями Дюм. – Он ведь родом из королевского Алаама, сам понимаешь: ему бы хоть провинциальным спектаклем оживиться после пеших странствий по диким чащам!

– О, а талисман вы, небось, для самого королевского двора ищите? – восхитился Олуи. – Или вы коллекционируете загадки путешествий? Ну да ладно! Покажем вам быт простаков! Заночуем на моём чердаке, пожалуйста? Из него видно весь Кирпий как на ладони! Завтра ведь суббота? Утром тётушка Зорэй угостит нас пятничными пирогами, оставшимися после ужина в таверне!

– А утром снова ходим на ярмарку! И в цирк! На представление гимнастов!

– Как скажешь, Юми! О, а сэр – он ведь сэр – сэр О не будет против?

Все повернулись к Оре.

– Э-э-э... Нет.

– Отлично! – ликовал Олуи и снова крикнул куда-то вдаль: – До скорого, Дроуи!
– Катись к чёрту!

Зорэй

Тётушка достал из разошедшегося деревянного сундука 5 свёртков. Она не спеша развернула их, вынула из каждого горсть земли и бросила по очереди в 5 кружек: себе, Оре, Юму, Дюму и Олуи. Зорэй ошпарила кружки с землёй кипятком из тяжёлого чугунного чайника. Подняла железный поднос с дымящимися кружками и со всей силы бахнула его на стол перед гостями.

Вяжущий голос тётушки Зорэй мигом окутал кухню тёплыми разговорами. Оре молча заглянул в свою кружку. Над ней висело облако пара.

– Что это за зелье?

– Что-что, родной? – ласково переспросила Зорэй.

– Что это за чай? С облаками... – дивился Оре.

– Ну, ты как не из сновидения, сынок! Все знают, что чай – это заваренный лес!

Оре отогнал ладонью облако над своей кружкой и разглядел торчащие из воды верхушки потопленных елей. Где-то на дне земля покрылась мхами и тропами, по которым бежали лисы.

– Пей же! Уже поспела малина!

Оре жадно осушил кружку и уснул как убитый.

Оре засыпает – автор просыпается...

Пустыня

Утро. Четверо путников шли по выездной дороге.

Олуи на бегу настраивал свои приборы и штуковины.

– Значит, идём на юго-восток! Сразу за городом есть кусок пустыни. Самой настоящей пустыни с самым настоящим испепеляющим солнцем! В ней даже время течёт от зноя, а закаты и рассветы живут собственной жизнью. Вот мы уже и идём по ней!

– Ну и жара! – Юм тут же снял с себя жилет.

Оре не решался сорвать с себя влажную мантию и лишь мокрыми насквозь краями капюшона стряхивал струи пота со лба. Кожаная мантия вымокла как тряпка.

– Да! И в самом центре этой пустыни стоит паб. В него заходят все путешественники перед дорогой – смочить горло. Это обязательно! Пустыня здесь для того и нужна – чтобы смачивание горла было ясным и ощутимым! Ну, вот мы уже и пришли в него!

Олуи отодвинул маятниковую дверцу пыльного разбойничьего бара. В нём было так прохладно, что казалось, будто он стоит на ледяном фундаменте.

– Нам по бренди! – крикнул Олуи через плечо куда-то в стену.

Вдоль пыльных стен стояли затёртые и разбитые деревянные столы и табуреты. За каждым столом сидели не менее

потрёпанные бандюганы. Они будто бы уже сто лет как приросли к своим табуретам, вместе с ними покрылись слоем пыли и стали такого же бледного брусчатого цвета.

Одноногие сидели на стульях с подбитыми ножкам. Одноглазые пили из разбитых грязных стаканов.

За барной стойкой никто не сидел. Вдоль неё все стулья были пустыми. Кроме одного – на нём осталась висеть чья-то кожаная куртка. Куртка будто бы запомнила крепкие расправленные плечи хозяина и висела очень гордо, даже самоуверенно. Полусогнутые рукава рисовали под собой готовые врезать кулаки. Куртка была живая. Спорить с ней отчаянно не хотелось. Даже глядеть на неё было боязно. Теперь стало ясно, почему рядом с ней никто не садился. Казалось, если похлопать её по плечу, она тебя тут же пристрелит.

– Это куртка Броди Буйвола! – громко заявил бармен, протиравший бокалы на другом конце стойки. – Он отошёл отлить.

Куртка была настолько стильной и броской, что шла даже стулу, на котором висела.

Оре был пленён курткой и осторожно подошёл к ней, страшимый не её грозным призраком, а своим желанием – влюбиться и похитить.

На плечах и спине пыльной кожи Оре различил синие надписи, рисунки и странные шрамы.

– Да, он заживо бил тату своим быкам! Он выбивал на них бандитские гимны и рисовал метки смерти! Пока те отбива-

лись от Броди копытами! А когда быки передохли, сшил из их татуированной кожи себе куртку! Броди Буйвол – человек-легенда! И легенды тоже отходят отлить. – Оре повернулся к своим друзьям и продолжил: – Он был бандитом, умеющим заставить бояться его и обожать одновременно. По правде говоря, он ничего толком не умел, но мог делать что-то такое, что не под силу было больше никому. Никто даже не знает, метко ли он стрелял, ибо он делал это редко и в упор. Но всем бы хотелось думать, что Броди был лучшим стрелком своего времени! И о нём сложат легенды. О подвигах, которых он не совершал. И чем дальше время уйдёт от его смерти, тем невероятнее нарисуются вымыслы. Ведь и после смерти Броди Буйвола будут бояться еще очень долго! Всё человечество. А лет через 150 его портрет перерисуют заново, и Броди Буйвол станет рекламировать тушёнку в жестяных банках. А ещё лет через 50 о нём снимут паршивый зрелищный фильм, и куш режиссёра подпортит стремительно разгоревшаяся и быстро потухшая популярность пошлых картинок с профилем Броди Буйвола. Он станет героем издательских комиксов и однодневных шуток, которые быстро надоедят сетевым вампирам. Вот так будут свергать и растлевать богов! Надругаться над ними. Так будут бороться со страхами своих прабабок и прадедов, передававшимися вместе с кровью по наследству. Так трусливые травоядные начнут без рук и улик пожирать давно умерших хищников.

Оре смолк, и воцарилась гробовая тишина.

– Кажется, время здесь замерло. Эй, бармен, сколько лет уже отливает Броди Буйвол? Нет, мне кажется, время здесь просто не работает. Дюм, Юм, Олуи! Допиваем бренди и идём ко всем чертям. Нам всё-таки не помешает состариться!

Друзья проглотили свои стаканы и направились к выходу.

– Пойдите! – Пыльный старик в лохмотьях еле отодрал приросшую к столу руку и потянулся за ребятами. – Из какого вы времени?! Расскажите хоть каплю истины – жуть как пересохло сознание здесь! – Старик закричал.

Оре подошёл к нему. Старик поднял на него пустые глазницы.

– Скажи, сынок, из каких времён вы родом? Ну, хоть в двух словах! Как там с правдой? Со справедливостью? С истиной?

Оре подумал пару секунд и ответил:

– Это те времена, где джинсовую одежду стирают бережной стиркой.

– Сюрреали-и-и-изм-м-м! – задрожал голос старика.

Старик закрыл пустые глаза и смолк. Друзья вышли из пыльного бара.

Лес

Небо на глазах меняло цвет с жемчужно-голубого до свинцово-синего.

Тучи вспучивались и свисали гроздьями, как перезрелый виноград, вот-вот готовый излиться на головы.

Загромыхало так, что казалось, будто тысячи коней бьют копытами и сверкают металлическими поводьями за серыми воротами туч.

Плотина из облаков была готова прорваться. И вдруг путники увидели гигантскую тучу где-то у горизонта, стоявшую прямо на земле – будто бы небо проваливалось в яму водопадом из чёрных облаков. Друзья замерли.

– Это здоровенный смерч притаился перед охотой?

– Не шевелитесь!

– Тс-с!!

Оре раздвинул шайку своими ручищами и вышел вперёд.

– Я пойду первым.

Юм, Дюм и Олуи змейкой зашагали за ним, иногда осторожно выглядывая из-за широких боков Оре.

Спустя пару часов туча, стоявшая на земле, стала ясно различима на фоне небесных грозовых облаков. Подойдя ещё ближе, путники остановились и поняли: никакая это не туча. Это лес. Серый бетонный лес.

Кентавры бетонного леса

Из чёрной земли росли громадные серые кубы и параллелепипеды, устремлённые в грозное небо или лежащие на боку. Казалось, боги только что убежали готовить грозу и оставили на земле свой разбросанный бетонный конструктор, в который не доиграли.

В лесу друзьям преградила дорогу целая армия кентавров.

Все они были страшные до чёртиков и похожие на банду подъеденных трупов, выехавших прямо из земли своих могил. Ведь вместо ног и копыт у них были колёса и обломки мотоциклов.

Оре рассмотрел самого старого и матёрого, стоящего впереди всех – прямо перед его носом.

Его кожаные брюки, куртка, сиденье и гнилая кожа раненой спины – всё срослось между собой в извилистый сэндвич. Из жилета торчали выломанные рёбра и кусок позвоночника. Этот тёртый вожак был единственным, у кого голова осталась целой. Головы же остальных трупов были то наполовину вмятые, то наполовину срезанные; лохмотья козынок и липкие кровавые патлы спутались и запеклись с ошмётками извилин.

Руки у многих бедняг были целиком обглоданы, а кости переломаны, как щепки. Куски кожи на руках вожака – те, на которых уцелели фрагменты тату, – были приклеены лим-

фой прямо к костям и остаткам мяса. Только на костяшках и держались перчатки да браслеты – оплавленные, спаянные и закишие на ржавом руле. У жоака и ноги были целы – по крайней мере, они казались такими в чёрных толстых сапогах. По левую руку от него стоял слепой кентавр, зеркальные очки которого растрескались и врезались ему в веки. А голени слепого сварились и запеклись прямо на глушителе.

Кому-то жилы и пальцы ступней намотало на цепи. Слипшиеся от крови седые волосы и бороды свисали и опутывали сырые тела, как грязная пыльная паутина. Путников встречали Души Разбившихся.

– Как тебя зовут, малый? – прохрипел жоак.

– Оре.

– Меня зовут Серивер. Серивер Грехов. А это мои ребята, вернее сказать, их отбивные.

Серивер вытащил из-за спины и протянул Оре чугунный молот размером с собственную уцелевшую голову.

– Бери! Он отлит из местных туч! Тебе он понадобится, малыш!

– Вы уже умерли, но будто ещё и не жили!

– Мы? Мы живы всегда, малыш! Нас не вспомнят! Конечно же, мы сотрёмся из памяти всех людей на земле когда-нибудь! Но бывают ведь и такие, кого запомнят энциклопедии, но кто был и будет мертвее нас! Мы родились и тут же вдохнули жизнь полной грудью! Залпом и до дна! Мы глубоко чувствовали эту самую жизнь и творили на славу! Мы жи-

ли! Зато многие рождаются мёртвыми, живут мёртвыми и помирают, едва ли лишившись жизни! Они как прыщи: какая-никакая душонка выпучилась пространственной петлёй, трёхмерным телом в этот мирок, отрыгнула своё и втянулась обратно, оставив на земле пустой мешок с костями, понимаешь? А мы смотрели сквозь них как через мутное стекло! Мы ощущали, как жизнь жжёт горло, точно спирт!

Оре выхватил молот.

– Понимаю.

Лес за лесом

Путники пробирались сквозь бетонную чащу из невысоких кубиков, едва достающих Оре до пояса. Вскоре они вышли на серую поляну, усыпанную маленькими бетонными кирпичиками. Шагать по ним было больно, и друзья пошли вдоль опушки, огороженной разбитым бетонным забором.

Понемногу бетонный лес стал редеть и смешиваться с обугленными чёрными деревьями, точно обгрызенными пожаром палками. Друзья попали в смешанный лес – из серых кубов и чёрных палок. Позже даже редкие квадратные камешки перестали попадаться им на пути, и путники целиком поглотились пространством, туго натянутым на лес из чёрных палок – из чёрных голых столбов без фонарей.

– Кажется, я догадываюсь, что это за место, – пробормотал Олуи, как вдруг резко потемнело и внезапно настала ночь. Все четверо путников рухнули, где стояли, и громко захрипели.

Сон во сне

Оре сидел на земле горчичного цвета. Оре сидел на пыли из горчицы. Небо было серо-жёлтым: то ли отражавшим землю, то ли пропитанным насквозь горчичной пылью. И было таким сырым, что Оре с трудом дышал этой глиной. Кругом была пустыня, и лишь несколько чёрных коряг торчали поодаль.

Сухая земля кое-где была будто вымазана сажей. Оре вдруг увидел сидящую рядом с собой Тень.

– Я оторвалась. Чтобы ты мог разглядеть землю под собой.

Оре пытался взглянуть в Тень, но никак не мог уцепиться ни за что, как ни пытался сфокусироваться: он мог уловить очертания лишь рассеянным взглядом. Но как только переводил взор на пойманную боковым зрением черту, точно проваливался глазами в никуда, в темноту, и в глазах всё мутнело, как от крупного тумана. При беглом взгляде Тень состояла из мелкой чёрной росы, колеблющейся, как кошмар.

– Посмотри на землю.

Оре опустил взгляд. Рядом с его коленом быстро вспучился и тут же разгладился кусочек почвы. Потом ещё раз. Будто бы кто-то пытался пробиться головой. Потом ещё – и уже в другом месте. Спустя секунду волдыри стали появляться повсюду и тут же утихали.

Оре вновь перевёл взгляд на Тень.

– Ну что ты пялишься на меня целую вечность?! Гляди же под ноги, сейчас всё пропустишь!

Оре быстро устремил глаза вниз и увидел, как один волдырь вспучился, застыл и стал трескаться. Из него вылупилась серая голова, и вслед за ней вылезло змеиное тело.

– Это кобры-прыгуны. Они созрели и рвутся наружу.

Оре взял одну за шею и попытался вытащить. Тельце выходило легко, пока не застряло. Оре потянул сильнее и выдрал кобру вместе с корнями и прилипшими к ним кусками земли.

– Не отвлекайся! Она тебе сейчас всю руку изгрызёт!

Оре посмотрел на голову змеи, извернувшуюся и кусавшую державшую её ладонь. Царапины были тонкие и больно защипали, так что Оре в страхе бросил кобру на землю. Та уползла, таща за собой сухие корни и оставляя на жёлтой земле сажевые следы.

– Земля, – прошептал Оре.

– Нет, – ответила Тень, – это твои ноги.

Оре опять посмотрел вниз и понял, что глядит на свои длинные полные жёлтые ноги, вымазанные сажей. На толстой ровной коже поднимались волдыри, и из них вылуплялись бело-розовые черви. Они вылезали из одной дыры и тут же заползали в другую. Оре с ужасом пытался схватить и вытащить их, но черви оказывались слишком скользкими. За одного он было схватился двумя руками, начал отчаянно тя-

нуть, как вдруг почувствовал тяжёлый толчок у себя в животе. В теле червя вздулись синие вены и красные капилляры.

– Ты сейчас себе все кишки выдерешь!

Оре посмотрел на Тень, но она исчезла.

– Гляди же! – прокричал её голос у Оре над ухом.

Оре, сидевший с петлёй из своего кишечника в руке, вытянутой из собственной правой ноги, глядел теперь на левую. На ней больно и с кровью стал прорывать кожу колючий белый червь.

– Какой редкий! Это он!

Червь выполз из левой ноги Оре целиком. Червь повис в воздухе и смотрел в глаза Оре. Это был белый колючий каменный дракон.

– Береги его, – шепнула Тень.

Оре почувствовал в ногах щекотание и проснулся...

Явь во сне

– Что за чёрт! – По ногам Оре бегали пауки. Оре стал было лихорадочно отгонять их, да только весь облип густой паутиной, которую пауки сплели на нём за ночь. Оре подскочил, стал повизгивать и вытанцовывать, сбрасывая с себя восьминогих и ошмётки их липких стараний. – Они что, думают, что я камешек?!

– Нет, это просто тонкий юмор пауков: они намекают, что на тебя садятся мухи, – ответил Дюм, невозмутимо лежавший на рюкзаке с колосом в зубах и наблюдавший за зрелищем.

– Очень смешно! Брысь, гады!

– Так ты что, их боишься?! Оре боится паучков?! Пха! – подхватил лежавший у другого дерева Юм.

– Терпеть не могу этих тварей! Они мне напоминают склепы и могилы, в которых мне в былые времена приходилось жить. А я не вампир!

Оре, прыгая на одной ноге вокруг себя, сбросил-таки с другой последнего гада, ещё чуть подёргался-почесался и сел обратно к своей сосне.

– А вы, негодяи, мирно наблюдали, как из меня хотят приготовить цукат!

– Олуи разбудил нас громом колбочек и ушёл исследовать местность. Давненько, не похоже, чтобы ему просто приспи-

чило. А ты ведь говорил, что свою пещеру не покидал с самого детства!

– Мало ли, что говорил! Это было в предыдущих снах.

– Как скажешь.

– Нет, расскажи нам о склепах! – Сел поудобнее Юм.

– Нечего рассказывать! Серое кружево паутин, сквозь которое пробиваются рыжие ниточки солнца. Да жёлтая кость мертвецов!

– Кажется, я знаю, что это за место, – крикнул Олуи, вываливаясь из чаши, и сбросил рюкзак с гремящими колбами. – Тётка Зорэй предупредила меня, что мы вляпаемся в землю, принадлежащую жестоким разбойницам-амазонкам, – она это видела в чае.

– О, брат, я наслышан об этих хищницах! – перебил Юм. – Говорят, над атаманшей в детстве надругался отец, и с тех пор она мстит всем мужчинам! И что все женщины в её отряде были так или иначе растлены – они бежали на неизвестный зов и прибились к разбойничьей банде. А ещё говорят, что они ловят мужчин и овладевают ими до смерти! А ещё говорят, что внутри атаманши, в чреве её, спрятан капкан! И напоследок она силой утробных мускулов откусывает жертве уд! Это называют поцелуем амазонки! Говорят, на шее у неё целое ожерелье из откусанных органов!

– Бред! – донёсся откуда-то приятный голосок.

– Кто здесь?! – Оре вскочил и приготовился бить.

Ребята услышали жалобный писк где-то в обгорелых ку-

стах. Оре бросился на звук, раздвинул чёрные ветки и увидел на земле маленькое чёрное существо. Оре взял его на руки. Это была голова крылана с телом и лапами тарантула. Крылан горько плакал своими чёрными глазками.

Сердце Оре сжалось от боли и сострадания. Оре отчего-то понял, что крылан страдал от несправедливости и одиночества в своей горькой беде. Оре смотрел мокрыми глазами на зверька и осторожно погладил его пальцем.

Вдовый рокот

Вновь неожиданно стемнело. Оре резко оглянулся, а потом заметил, что крылан исчез.

– Эта паутина светится! – вскричал Олуи и ткнул пальцем в Оре. Остатки паутины на нём замерцали в темноте.

– Я так и знал! – взвыл Олуи. – Она выдаёт нас! Мы пропали...

Внезапно со всех сторон путников окружил мерзкий рокот, срывающийся на писк.

В кромешной тьме стало заметно, что чёрных палок в стогревшем лесу явно прибавилось и они бегают вокруг сбившихся от страха приятелей.

Глаза Оре вспыхнули и осветили чашу вокруг.

Гигантские паучихи, чёрные вдовы на тонких лапах, окружили путников колючей хитиновой оградой. Из тел пауков росли чёрные лебединые шеи с такими же чёрными изящными девичьими головками. Это были каракурты в человеческий рост.

Одна паучиха плавно и бесшумно на чёрных острых лапах бегала вокруг оцепленных путников. Длинные чёрные волосы до самой земли были сплетены в узор паутины – они кружевной мантией накрывали тонкие ноги чёрной вдовы. Гордая осанка всадницы делала Тритию похожей на кентавра.

– Знаешь, почему меня зовут Трития? – щебетала паучихи

ха, гарцующая вокруг оцеплённых друзей. – Говорят, что женщина – это вода, дающая жизнь! – Трития описала спираль и приблизилась к Оре. Его взгляд осветил её длинную сухую шею, растущую из гладкого паучьего тела. Это было тонкое, дочерна обугленное бревно. Оре разглядел её чёрную человеческую головку – без подбородка, с хелицерами и восемью чёрными глазами, похожими на россыпь ониксов. Лицо обрамляли сухие чёрные волосы, ещё не заплетённые в паутину. – Я стану тяжёлым концом твоей жизни. – Трития приблизилась к самой щеке Оре и ласково коснулась её истекающим ядом хелицером.

Трития схватила Оре передними лапами за плечи и закружила в бешеном вальсе в сторону грота. Она лишь надрывно вскрикнула: «Пойдёшь за мной!» – и с разбегу бросилась вместе с Оре в чёрную пасть пещеры.

Оба провалились в яму.

Орган

На дне ямы царила крошечная тьма, так что не было видно ни одного её края. В самом центре ямы стоял хорошо освещённый невидимым источником орган.

– О! – расчувствовался Оре. – Это орган! Это оргáн!

– Нет. Это брган. Это Сердце, Оре!

И правда. Посреди тьмы блестело мокрое, липкое, источающее пар Сердце. Оно медленно дышало.

Сверху из Сердца торчало несметное количество труб – срезанных артерий и вен всевозможной длины и толщины.

Какие-то сосуды были остро срублены по диагонали, как макароны. Иные были со рваными и откусанными краями. И все эти обрубки кустом росли из огромного алого Сердца. Издалека оно казалось стеклянным и треснувшим – из-за множества пронизывающих его корней из вен.

– Как же давно никто не играл на нём! – с надрывом и изнеможением простонала Трития. Сердце отчаянно отозвалось медленным и долгим ударом, сотрясшим землю под собой. – Сыграй! – взмолилась она.

– Но я же никогда... – Оре чуть коснулся влажного Сердца пальцем – и оно тут же качнулось в ответ, а на месте касания вздулись две мозоли. Оре испугался и взгляделся: это были очертания губ. Оре коснулся их пальцами вновь – и губы поцеловали пальцы.

Оре нежно погладил губы – и они распахнулись...

Сначала губы издавали лишь хриплые болезненные выдохи. Возникали от прикосновений, издавали хрип и вновь скрывались в сердечной плоти.

Оре стал лихорадочно ощупывать Сердце в разных местах всеми пальцами, ища голос. Но отовсюду раздавался лишь жуткий сиплый хор. Оре не заметил, что при нём снова были обе его руки – так отчаянно пытался найти он поющие уста.

От отчаяния Оре ударил в Сердце лбом. И вдруг его голову вытолкнул обратно звук. Оре посмотрел на губы, поцеловавшие его в лоб. Они слабо улыбались. Оре погладил их пальцами – и губы улыбнулись сильнее. Тогда Оре со всей страстностью поцеловал их. Оре крепко целовал пойманные губы, пока те глухо стонали и кричали у него же во рту, и не отпускал их обратно в Сердце.

Губы стали стелать с такой силой, что из щёк Оре начал просачиваться свет от напора их криков. Спустя мгновение мощный светящийся поток звонкого стога с силой оторвал Оре от Сердца и отбросил назад.

Очнулся Оре сидя на земле и с паучьими лапами на плечах. Они помогли ему подняться, и Оре подошёл к пытавшемуся отдышаться Сердцу. Ранка часто дышала и с каждым выдохом издавала чистое, звонкое, призывающее «Ха-а-а!». С уголков этих губ стекали две капли крови. Оре снова ринулся к ним – и своё последнее «Ха» сердечные губы утопили в поцелуе с каменным великаном. Сердце забило с

грандиозной силой, но Оре крепко держал его в своих могучих объятиях. Крики снова стали наполнять его рот горячим светом, и Оре уже сам начал раскаляться и плавиться от напора. Он впивался в Сердце всем своим беспощадно обжигающим телом, Сердце же билось как чокнутое, тщетно пытаясь высвободиться.

Поцелуй искрился и брызгал кровью во все стороны. Оре поклялся себе умереть, но не поддаться, он крепко сдерживал потоки сияющего звука.

Сердце в конце концов остановилось обессиленно, замерло на миг... И с грандиозным ударом мощные потоки света вырвались наконец из закупоренных артерий вверх, пробивая стены ямы, потолки и звёзды в небе.

Сердце засияло мягким светом. Оре, окровавленный и мокрый, трясущимися пальцами касался его как пианино – и на месте прикосновений тут же возникали губы. Оре быстро сдерживал пальцами их пение, и пение прорывалось сквозь трубы. Оре ходил вокруг Сердца и играл на нём, как на органе, заставляя триоли из заткнутых губ менять свой путь и вылетать из артерий и вен низкими, густыми, как кровь, звуками.

От бешеной игры Оре трубы начали захлёбываться, и отовсюду в самой плоти Сердца стали открываться запасные железные клапаны, подпрыгивающие от напора красного пара. Вены и артерии, углублявшиеся в него корнями, вспучились, почернели и затвердели, закостеневшие чёрные сосуды на-

тянули мягкую плоть Сердца на свой каркас, отчего оно стало похоже на паука, только во сто крат крупнее Тритии. Розовая сердечная плоть продолжала втягиваться внутрь, пока не сделалась совсем гладкой и тонкой, и наконец вздыбилась бархатным ворсом, сделавшись обивкой чёрной кареты. Из Сердца-кареты шёл красный пар. Карета тряслась и гудела, ворчливо пытая паровым двигателем. Оре и Трития поспешно запрыгнули в карету и умчались прочь.

Чёрный вагон крутил длинными паучьими лапами свои колёса, медленно и глубоко дышал, выдувая полные лёгкие красного пара. Он мчал вдоль изумрудных лугов и жемчужных озёр.

Внутри алого вагона стояла дюжина жёлтых скамеек. Все они были плотно забитыми пассажирами в чёрном.

Трития сидела рядом с Оре, развернув к нему свои острые колени. На ней висело чёрное атласное платье до самого пола и утекало краями вниз в его узкие щели.

Оре обнаружил сэндвич у себя в руке.

– Огляди всех пассажиров в вагоне, – шепнула ему Трития. – Если сейчас по радио объявят, что каждый волен делать всё, что захочет и что только вздумает – и никого не посадят и даже словом не осудят, – как думаешь, сколько из них не убьют тебя за бутерброд?

– Мне кажется, они и бутерброд потом растопчут, – громко шепнул Оре в ответ.

Алая бархатная обивка вдруг ошетибилась и назойливо

защекотала Оре ухо. Оре осенило: это был гроб. Они ехали в гробу.

– Куда нас несут?

– Они все уже мертвы. Они давно ездят туда-сюда в гробах из своих тел навстречу своим смертям. Но не мы! Нам пора. Наша станция!

Вагон стал трястись, как паук, сбрасывающий шкуру. Вагон сжался и скруглился, выломав внутри себя стёкла и оставил лишь два круглых окна в кабине машиниста. Оре понял, что они сидят внутри чьего-то черепа и, судя по всему, являются чьими-то мыслями. (Да-да, интересно, чьими же?)

Свет замерцал. Черепная коробка вагона стала мгновенно усыхать. Трития схватила Оре за руку – и вместе они выпрыгнули из лопнувшего окна глазницы.

Трития и Оре стояли на дне своей чёрной ямы. Перед ними источало пар влажное Чёрное Сердце.

Оно неспешно сложило свои чёрные трубы-артерии в пучок. Сердце уютно съёжилось и уменьшилось вдвое. Оре стал отдаляться от него невидимой силой и успел разглядеть, что это уже не Сердце с пучком артерий – это чёрный паук сложил свои лапки и заснул на своей паутине.

Оре отлетел далеко от того места и видел его уже теперь лишь сквозь замочную скважину. Оре сделал ещё несколько шагов назад и вышел из грота.

– Трития уснула, – тихо сказал он присутствующим.

Оре молча и отстранённо зашагал прочь. Паучихи тихо

расступились. Юм, Дюм и Олуи ринулись за Оре. Олуи то-ропливо и неловко откланялся дамам. Друзья скрылись в сумерках леса.

– Это было её Сердце, – бормотал отрешённый Оре, – Сердце...

Оре

– Нет уж! Я выжил после леса амазонок! Такое дважды не случается! Дальше я с вами не пойду! – гремел склянками Олуи.

– Ещё как пойдёшь, жалкий трус! – Оре дёрнул Олуи за шкурку с такой лёгкостью, что тот повис над землёй, как сосиска. Олуи посмотрел на обнажившееся чёрное запястье и перевёл взгляд на янтарные глаза.

– Чёрт бы меня побрал... – прошептал он. – Ты Оре?! ТОТ САМЫЙ ОРЕ?!

– До тебя только дошло? – отозвался Юм.

Олуи лихо вывалился из своего плаща, оставшегося висеть в кулаке Оре, как каракатица, сбросившая чернила.

Олуи смело подошёл к Оре, залез на свой рюкзак и вытянулся вверх как только смог, чтобы заглянуть в горящие глаза.

– Так что же вы сразу мне не сказали, что это за Оре?! Что с нами Оре! Что мы – с Оре!

Олуи прыгнул с рюкзака и принялся обнимать Юма и Дюма, приговаривая:

– Вот ведь загадка: сам ношу под сердцем столько тайн, а верю людям на слово!

– Вот в чём беда... – Оре замешкался. – Перед тобой не целый Оре. – Он нерешительно отодвинул плащ и показал

обрубок.

– Плохо дело!

Привал отчаяния

Путники уже целую вечность шли вдоль реки в сторону моря. По лесам и пустырям – без еды, воды и ночлега. А главное, без понимания, когда уже этот чёртов ручей впадёт хоть во что-нибудь.

В каждом новом месте Олуи заходил вглубь ручья – проверить, тянутся ли ещё русалочки волосы, не оборвались ли они и достаточно ли густо доросли до этого самого места.

Юм и Дюм занимались всякой полезной и бесполезной ерундой.

Оре сидел на земле и перебирал сухие ракушки из коры и шишек.

– Какое море, такие и ракушки, – грустно бормотал Оре.

Тут на него надвинулась стена из Юма, Дюма и Олуи. Видок у них был пошущукавшийся и вдохновлённый.

– Я заметил, – начал Олуи под напором взгляда Оре, – когда ты злишься или борешься с ужасом... Ну, вроде того! Так вот, когда ты воспаляешься! Ух, как это здорово, чёрт возьми! Короче, мы заметили, что с тебя сыплется земля!

– Ну и что?

– Много ты с себя уже сбросил за прожитую жизнь? – вмешался Дюм.

– Понятия не имею! Я не слежу за весом! Знаю только, что чем больше мне приходится пережить, тем сильнее и крепче

я становлюсь!

– Вот именно! – Подпрыгнул Юм.

– Оре. – Олуи с серьёзным видом схвати его за плечи. – Ты ведь из руды! И когда ты переживаешь сильное, кующее твой характер чувство, ты очищаешься от шлака! Ты становишься чище и твёрже!

– Помнишь молот, что дал тебе Серивер? – вставил Дюм.

– А мы ведь неплохие кузнецы! – ухмыльнулся Юм.

Оре тут же смекнул и отскочил назад, угрожающе устремив остриё меча на троицу.

– Вы что это задумали, котятки?

– Оре, выслушай. – Схватился за сердце Олуи. – Ты, конечно, немного уменьшишься в размерах. И прежнюю руку из этого искусно выкованного меча мы навряд ли сделаем. Но приковать его на прежнее место – сделать меч вновь частью тебя, твоей карающей рукой – мы постараемся. Клянись!

– Я знаю, мы с Дюмом те ещё оболтусы, но поверь: кузнецы из нас что надо!

– Мы знаем своё дело! И инвентарь раздобудем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.